

Пуд соли с Камчатским оркестром

В 1993 году, где-то в феврале, меня пригласили в Прагу подготовить литературно-музыкальную композицию *«Евгений Онегин»* по Пушкину и Чайковскому.

В ней принимали участие певцы из Австрии, Хорватии, России, а Пушкина читал американец Иван Романов. Это происходило в Центре русской культуры, который находился в самом центре Праги.

К сожалению, тогдашние хозяева дома не смогли защитить юридические права этого здания и вскоре там поселились другие организации. На следующий день там же ко мне подошел бывший работник Росконцерта, ныне один из руководителей чешского Интерконцерта Виктор Степанович и, поздравив меня со вчерашним успехом, вдруг спросил: «А ты не смог бы помочь приехать в Австрию камерному оркестру с Камчатки?» «Боже, разве там есть оркестр?» – спросил я.

В разговор вмешался стоявший рядом мужчина со слегка раскосыми глазами: «Есть, – сказал он и потом добавил: – И очень хороший». Оказалось, что он – бизнесмен с Камчатки. Мы поговорили, и мне до того понравился патриотизм этого человека с далекого полуострова, что я пообещал поразмыслить, чем могу в этой ситуации помочь.

Некоторое время спустя в Вену мне позвонил из Праги Виктор Степанович и напомнил о моем обещании. Но я уже сам начал заниматься разведкой и сбором информации, каким образом грамотно достичь желаемого результата. Я узнал, что, кроме оплаты зала и рекламы, что далеко не сравняется с привычными для нас суммами, для того, чтобы вечером выступить на одной из главных концертных площадок Вены, нужно несколько устных, а лучше – письменных рекомендаций от известных в Вене музыкантов или импресарио.

С тех пор прошло примерно месяца четыре, и меня поразило понимание всех, к кому я обращался. К тому времени руководитель камчатского коллектива Георгий Александрович Аввакумов прилетел в Прагу и ему нужна была виза для въезда в Вену, что удалось мне сделать только через неделю. Георгий Александрович и Виктор Степанович приехали на поезде, и мы сразу начали пробивать возможность показа венской публике искусства земли гейзеров и вулканов.

Аввакумов, воспитанник Ростовского института искусств, оказался глубокообразованным человеком, скрипачом от Бога и уже около 30-ти лет работал на Камчатке. Он вырастил целую плеяду скрипачей. В оркестре играли ученики одного педагога. Что может быть лучше для дирижера!

Должен заметить, что через пять лет ученик Аввакумова Коля Савченко взял «Гран-при» на конкурсе им. Чайковского в Москве!

Георгий привез с собой записи оркестра, сделанные ровно год тому назад, и я мог только восторгаться уровнем оркестра и его художественного руководителя.

Нам повезло, так как примерно месяц назад я выступал с Венским камерным оркестром, то его директрисе госпоже Рац представил Георгия Аввакумова. Она любезно согласилась рекомендовать оркестр руководству Венского концертного дома.

Наконец все было сделано — заключен договор с дирекцией о приезде оркестра в Вену в ноябре того же года, о билетах, афишах, рекламе... К оркестру прикрепили вновь поступившего референта дирекции фрау Амброс. Ввиду того, что данный оркестр у нее был первым вообще в ее работе, она старалась от всей души и во время следующих приездов помогала, как могла.

Прошло лето. Все близился приезд камчадалов, и я полетел в Москву, чтобы начать репетировать. В программе одного из концертов было произведение ныне живущего австрийского композитора Пауля Вальтера Фюрста *«Оркестрон № 4 для струнных»*.

Первая наша встреча состоялась в Московском зале Дома композиторов. Я хотел начать репетицию с произведения австрийского композитора. Три десятка пар испуганных глаз следили за взмахом дирижерской палочки. Палочка сделала несколько напрасных пируэтов. Ничего не случилось, оркестр молчал, и я понял, что надо как-то уговорить коллег хоть чуточку поиграть. Но я не успел. Подошел Жорик (в то время мы успели уже крепко подружиться) и предложил мне не нервировать его оркестр, а сыграть то, что он хорошо знает, например, *Сюиту си минор для флейты и струнных* Баха. Вышла флейтистка, и я ясно видел, как у нее отчаянно дрожат руки. Теперь я уже понимаю, что значили для камчатских музыкантов приезд в Москву, репетиция в Московском зале с чужим австрийским дирижером, то есть со мной, когда у них вообще не было практики, чтобы с ними рабо-

тал не Жорик, а кто-то другой. Подействовала и девятичасовая разница во времени Москвы и Камчатки. Они все, наверное, чувствовали себя как вареные рыбы.

Я этого всего не знал и чувствовал себя просто отвратительно: с одной стороны, мне было ясно, что пути назад нет, а с другой — я дорожил своей репутацией в Вене и не хотел выглядеть плохо. «Ну это же плохой оркестр», — могли сказать одни. «А почему он согласился?» — спросили бы другие и были бы совершенно правы.

Я мало надеялся на привычные советские «чудеса», когда на концерте оркестр вдруг играет неузнаваемо.

В следующий раз этот оркестр я увидел уже в Праге. Были репетиции, оркестр играл, концерты проходили очень неплохо, особенно с их шефом Жорой. И мой концерт в зале имени Шостаковича в Русском доме культуры прошел хоть и не блестяще, но, во всяком случае, сносно, причем лучше всего они сыграли именно австрийского композитора. Я успокоился, но, как потом оказалось, напрасно. В Праге со мной была солистка Венской оперы Оливера Милякович, и я учился у нее терпимости к нашим коллегам издалека. Ведь музыкант везде музыкант: работает ли он в Москве, Лондоне, Чебоксарах, например, или на полуострове Камчатка — все равно стремится играть хорошо. Если ему не создавать моральный дискомфорт, он не только хочет, но и может играть прекрасно...

Более того, я был свидетелем, когда в Большой театр СССР брали на работу из провинции молодых музыкантов. Сначала они вообще не играли, но зато потом... Ведь природные возможности человека до сих пор являются загадкой для науки, и в оркестре многие вещи даже очень заметны. Не знаю, приглашает ли еще сегодня Большой в оркестр немосквичей, может, Симонов действительно был последним романтиком...

В Вену отправились вместе на автобусе. Камчадалы впервые ехали в капиталистическую страну. Когда мы пересекли границу, я объявил, что мы въезжаем в «зону развитого капитализма». Оркестранты постарше смотрели на меня неодобрительно. Как все-таки была отравлена психика советских людей!

Оркестр разместили в Бадене в гостинице у моего знакомого балтийского немца. Так как я в то время в Вене жил один, для репетиций лучше было мне жить вместе с оркестром, и Жора нашел такую возможность. У него о времени были чисто камчатские представления — например, у нас

был намечен разговор с фрау Амброс и мы вместе с директором оркестра Лидией Савельевной Мельниковой должны были быть у нее ровно в 11 часов, Жора же должен был закончить вкусный завтрак, и только после этого мы поехали.

Я, зная нрав австрийцев и деловых людей вообще, рвал и метал, за что Жора прозвал меня «начальником паники». Но когда из-за нашего опоздания нас несколько раз просто не приняли, Жорик сразу изменился, и мне уже не надо было паниковать.

В день концерта утром на репетиции оркестранты сначала нервничали, потом пришли в норму, и вечерний концерт прошел на подъеме. У меня был второй концерт, на репетиции я пригласил композитора Фюрста, а он явился только на концерт. Это было его большой ошибкой. Перед выходом на сцену он поздоровался с коллективом, который впервые видел австрийского композитора. От волнения погано они сыграли именно Фюрста, поэтому на фотографии у него очень недовольное лицо.

Кстати, потом оркестр не раз играл того же Фюрста и делал это совсем непринужденно и со вкусом. Но урок есть урок. Камчатский оркестр потом со мной много раз играл первые исполнения композиторов России (Э. Денисов, А. Шнитке, Александр Чайковский), Австрии (М. Рюденауэр), Америки (В. Хартцель), Словении (Б. Арнич), Македонии (В. Колароски), также на концертах под моим управлением звучали произведения ныне живущих композиторов России, Испании (Ксавьер Монсаваж, Антон Гарсия Абриль), также композиторов XX века А. Хиндемита, Х. Туринана, Р. Паулса...

Жора с удовольствием отдавал мне современную музыку, ибо сам не очень любил возиться с незнакомыми партитурами. Я очень рад, что сегодня с новой музыкой дружит теперешний главный дирижер и художественный руководитель оркестра, заслуженный артист России, в прошлом первая скрипка оркестра, воспитанник Владивостокского института искусств и Московской консерватории Александр Николаевич Гилев.

С оркестром ехала довольно большая сопровождающая свита: три художника, доктор, писательница, начальник отдела культуры и ее заместительница, директриса оркестра. Сначала мне была непонятна такая роскошь, но позже, познав щедрую натуру Жорика, убедился в абсолютной правоте данного его поступка – все эти люди являлись друзьями оркестра, в разные периоды времени помогали Жорику и его коллективу как могли и

поэтому, естественно, заслуживали участие в поездках... Меня удивило то, как дружны все между собой, отсутствие каких-либо недомолвок, кровных обид, интриг.

Позже на Камчатке я видел, как все ходят друг к другу в гости — словом, живут одной жизнью. Могу добавить, что за эти почти полтора десятка лет нашего знакомства я настолько врос в оркестр и его окружение, что, если у меня возникают проблемы со здоровьем, я просто беру телефон, звоню доктору Леониду Александровичу Грачеву и с другой стороны земного шара получаю абсолютно точный и исчерпывающий ответ. На стенах у меня дома висят замечательные работы художников Виктора Тришкина и Виталия Шохина, а с третьим художником, близким другом Аввакумова, Феликсом Тебиевым отношения сложились настолько близкие, что он даже приехал в Ригу на похороны моей мамы. Такое не забывается.

В Вене нас еще ждал концерт в здании российского посольства. Набрался полный зал, прием был очень теплый; когда возвращались на автобусе в Баден, все время звучали... песни, которые пели музыканты.

Меня поразил высочайший уровень исполнения оркестром постоянного репертуара и абсолютнейшая неспособность чтения с листа. Только позже я понял, что для музыкантов Камчатки камерный оркестр являлся светом в окошке, и в длинные, темные зимние вечера под руководством Жоры музыканты буквально оттачивали каждую нотку, самые мельчайшие детали, совершенствовали интонацию до такого уровня, что в третий приезд камчадалов в европейскую столицу музыки Вену на концерты билеты были распроданы. И это на одной из центральных концертных площадок Вены — *Wiener Konzerthaus, Franz Schubert Saal!*

Было невероятно приятно смотреть на артистов оркестра, когда они увидели полнейший аншлаг — ведь до концерта, выяснив, что в большом зале одновременно с нами выступает прославленная певица Монтсеррат Кабалье, у многих испортилось настроение — ожидали, что там будет толпа народу, а у нас — никого. Но молва об оркестре, как писала критика в Вене, повышенной искренности, дала результат.

После первой поездки в Вену у оркестра состоялся концерт в Праге, где вместе с чешским скрипачом профессором Индржихом Паздерой участ-

вовали в открытии нового концертного зала имени композитора Бохуслава Мартину.

Оркестр к тому времени набрал обороты, причем европейские, и на последнем концерте играл просто превосходно даже для западного уровня.

В следующем году я был приглашен на Камчатку на весенний фестиваль в апреле. Еще никогда я не проводил 9 часов в самолете — мы летели через Северный полюс, и я в иллюминаторе видел шикарнейшее северное сияние.

Меня встретил Жора, устроил в гостинице, и мы начали обсуждать условия концерта. «Слушай,— сказал мой друг,— конечно, я не смогу заплатить тебе как на Западе, но я думаю, что три «лимона» за концерт будет хорошо. А концертов у тебя три, так что увезешь девять лимонов».

Я сидел и не мог даже пошевелиться. «Да. На Камчатке, наверное, нет лимонов, и, видно, это королевский гонорар. Но в Вене же лимоны стоят копейки, так зачем мне они?» — думал я. Жора заметил мое замешательство и уже раздраженно спросил, мало, что ли? Я поделился своими размышлениями. Жора расхохотался.

Оказывается, что лимоном в России называют миллион, так что гонорар мой был даже весьма неплохой.

Второй раз на Камчатке я побывал через два года, на юбилее Жорика — ему исполнилось 50 лет. Его юбилейный концерт поистине был организован с настоящим камчатским размахом — на нем присутствовали очень популярные ведущие Московского телевидения Геннадий Крылов и Александра Буратаева. Во время 4-часового концерта его поздравляли практически все творческие коллективы полуострова. Вечер был очень высококачественным капустником — по выдумке не только не уступая похожим столичным мероприятиям, но даже превосходя их.

Уже позже, на собрании камчатского землячества в Москве, наблюдая ту же искренность и теплоту общения бывших камчадалов, я понял причину их душевности. Закрытое пространство полуострова и суровые природные условия сплачивают людей и дают им понять, что в общении друг с другом намного лучше выстраивать отношения не на зависти, ненависти или других пороках современного общества, а на волне любви и уважения. И это они носят с собой в течение всей оставшейся жизни...

Камчатка даже сейчас — почти единственное место на земном шаре,

где отсутствует организованный туризм с Запада. Как-то со мной прилетел мой венский приятель и друг оркестра Тони Левстек и хотел переговорить с руководством полуострова об организации туристических путешествий; переговоры состоялись, но безрезультатно.

На Камчатке природа поистине величавая, и может, чем позже там появится организованное нашествие западных богачей, тем лучше. Пока изредка прибывают одиночки. Например, несколько лет тому назад у подножия одного из вулканов поселился японский фотограф, снимавший медведей. Он так осмелел, что стал ночевать в палатке рядом с медведями. Через неделю мишки его съели.

Камчадалы приезжали в Вену три года подряд — всегда через Прагу, иногда бывали в Словении, Италии, Германии...

Был незабываемый концерт в Вене с программой австрийских композиторов. Прозвучал *Фортепьянный концерт ля мажор* Моцарта (K.V.488), где кроме струнных еще должны играть флейта, два кларнета, два фагота и две валторны. Флейта была своя, но остальных духовиков надо было приглашать на месте.

На первой репетиции оркестр, как всегда в незнакомой обстановке, играл, мягко выражаясь, отвратительно, особо отличилась флейтистка, которая от волнения не могла играть вообще. Солистом был отличный музыкант — пианист и композитор из Вены, бывший советский немец Павел Зингер, который сразу предложил поменять флейтистку. Я попросил подождать.

На следующий день оркестр узнать было невозможно — он играл с настроением, чистенько... Но самым большим подарком для меня стала камчадалка флейтистка Алла Лушпа, которая не только прекрасно исполнила свою партию, но и была ведущей всей группы духовиков!

После исполнения публика аплодировала... 12 минут!

В тот же приезд оркестр играл *Концертино для флейты, клавесина и струнных* Павела Зингера, написанное специально для камчадалов!

С ними также выступили французский скрипач, в прошлом лауреат («Гран-при») французского конкурса имени Жака Тибо и Маргариты Лонг — Александр Брусиловский, работающий в Вене лауреат конкурса им. Чайковского скрипач Леонид Сороков, американский контрабасист Джим Раппорт, флейтистка из Германии Урсула Россберг, аргентинский пианист, американский фаготист и многие другие...

Интересно то, что все без исключения, кто выступал с оркестром впервые, потом надолго оставались искренними друзьями Жорика и всего оркестра. Если нужно было что-то для музыкантов, например, ноты, записи, российские и западные их коллеги безотказно помогали от всего сердца.

Солистка Венской оперы Оливера Милякович в обществе друзей Камчатского оркестра занимала и занимает совершенно отдельное, можно сказать, почетное место. По-моему, ее доброе отношение к оркестру и лично к Аввакумову можно объяснить, во-первых, тем, что Оливера, славянка по происхождению, прожившая всю жизнь в немецкоязычной среде, испытывала тоску по своему народу и языку, а русский язык – самый близкий к сербскому; во-вторых, ей, безусловно, импонировал тот факт, что музыканты Камчатского оркестра во главе с Жориком, имеющие хорошее музыкальное воспитание и умеющие отличить исполнителей выдающихся от просто хороших, после первых контактов с Оливерой ее просто обожали – с музыкантом такого уровня были бы счастливы выступать артисты любого оркестра мира...

Должен несколько слов сказать о своем друге и собрате Аввакумове. Уроженец Ростова-на-Дону, настоящий интеллигент с очень вспыльчивым характером, преданный раб Ее величества музыки, человек с очень своеобразным чувством юмора, он абсолютно не стеснялся после изнурительной работы посидеть с музыкантами оркестра за рюмочкой. После удачного концерта за границей на следующий день, конечно, если день был свободным, утром мог объявить всем свой день рождения: это значило, что любой оркестрант – желанный гость в его гостиничном номере, он прекрасно умел устроить праздник человеческого общения.

В Вене на репетицию должен был прийти австрийский композитор Майнхард Рюденауэр, чью музыку оркестр играл. Жора подошел ко мне: «Слушай, как будет по-немецки: «Говорите ли вы по-немецки»?» Я, не очень хорошо представляя, для чего это ему, сказал.

Пришел автор. Жора с вытянутой рукой пошел к нему здороваться. «Шпрехен зи дойч?» – спросил его Жора. Тот в восторге начал говорить, что, конечно, конечно... Жора его прервал: «А я нет».

Следующий случай был серьезнее. Как-то Жора меня спросил: «А можешь мне объяснить, почему воюют сербы и хорваты?» Я сказал, что не только я, но и сами они это объяснить не могут, потому что это — нонсенс. «Подожди, попробуем разобраться. Как будет по-хорватски «добрый день»?» — спросил он. «Добар дан», — ответил я. «А по-сербски?» «Добар дан, ебем-тыматэр». «А почему так?» — хотел знать Жорик. «Так сербы все время ругаются, это тоже для них как добрый день», — пояснил я.

Оказалось, что Жорик запомнил это надолго. Примерно через год в Вене весь оркестр был приглашен в гости к солистке Венской оперы, которая только что выступила вместе с Камчатским камерным оркестром, любимой певице Герберта фон Караяна — Оливере Милякович.

Оркестр зашел в непривычные для нас роскошные обширные апартаменты, и переводчица австрийского министерства культуры стала по одному представлять примадонне всех присутствующих. Переводчице в свою очередь всех представляла директор оркестра Лиля. Когда с женщинами было закончено, дошла очередь до Жорика.

Пока шел перевод и Оливера доброжелательно смотрела на Жору, с которым пару дней тому назад выступала на роскошной сцене Венского концертного зала, он слегка нагнулся ко мне и тихо спросил: «Она сербка?» Не подумав о последствиях, я кивнул. Жора повернулся к ней и с удивительно ясным произношением изрек: «Добар дан, е...матэр!»

Наступила всеобщая тишина. Очевидно желая разрядить обстановку, Жорик развел руками, показывая на меня: «Так это меня Илмар научил!»

Слава Богу, Оливера оказалась нормальным человеком и потом долго смеялась. Впрочем, она же была сербка...

Позже были концерты, когда Камчатский камерный превращался в симфонический. Ученики Оливеры пели оперные арии, и для этого камерного оркестра было недостаточно, приглашались духовики, в основном из Бадена, и звучали Верди, Пуччини, Моцарт...

У профессора Милякович занимались певцы всевозможных национальностей, но особенно много было учеников из Японии, так как она являлась гост-профессором Токийской музыкальной академии, и многие желающие у нее учиться, но не попавшие по конкурсу к ней в Токио, переехали в Вену, чтобы заниматься с ней частным образом. Одна из них, Кейко Йокояма, потом сделала хорошую карьеру в Европе и сейчас поет в Германии.

Вообще оркестр Жоры, скорее всего, в то время был не камерным, а струнным — в нем во время последнего приезда в Европу играли восемь первых и восемь вторых скрипок, пять альтов, четыре виолончели и два контрабаса.

Велика была его любовь к своим единомышленникам. Как-то раз я ему сказал, что если из оркестра убрать двух-трех музыкантов, не всегда играющих с полной отдачей, оркестр только выиграет. «Да, я согласен. Но они в оркестре с первого дня, когда в принципе еще ничего не было. Увидишь, на концерте они соберутся». И он был прав.

Вместе с Камчатским камерным мы действительно съели пуд соли, если не больше. И небо не всегда было безоблачным: если мы с Жориком ссорились, то это было по-братски, и только пух и перья летели, и все остальные тихо уходили... Оркестр как бы компенсировал мою отдаленность от России, к которой за долгие годы жизни и работы привык; иногда, когда мне было особенно грустно, я брал телефон и просто звонил любому из артистов оркестра, и через 15 минут трепа со второй стороной земного шара мое душевное равновесие восстанавливалось, и я мог функционировать дальше.

Последнее наше совместное выступление с Жориком состоялось в сентябре 1997 года в Москве в зале им. Рубинштейна Московской консерватории. Жора выглядел уставшим, но работал, как всегда, с полной отдачей. На этом концерте впервые с Камчатским оркестром выступил замечательный московский флейтист, заслуженный артист России Альберт Рацбаум, впоследствии ставший большим другом оркестра... Жорик дал его искусству крайне высокую оценку. Мы с Аввакумовым тогда разъехались в спешке, даже не попрощавшись.

В начале октября, вернувшись домой в Вене, я нашел в телефоне звуковое письмо директора оркестра Лили. В нем сообщалось о преждевременной кончине нашего Жоры...

Через три месяца я встретился с оркестром в Праге, куда они поехали уже с новым руководителем оркестра — прекрасным пианистом, музыкантом, воспитанником Московской консерватории — заслуженным артистом России Валерием Тумило-Денисовичем. Оркестр открыл концертный зал радио «Свобода». Через некоторое время бразды правления коллектива бы-

ли доверены молодому музыканту, концертмейстеру оркестра Александру Гилеву, который руководит оркестром уже семь лет, и я уверен, что дела у оркестра пойдут хорошо.

Кстати, первое, что сделал Гилев, — это добился присвоения оркестру имени его основателя — Георгия Аввакумова...

Началась поставвакумовская эпоха...

Один из моих приездов на фестиваль приходился на ту пору, когда американцы бомбили Белград. «Илмар, что с тобой, на тебе лица нет?» — спросила меня Ольга Павловна Кубышкина, тогдашняя министр культуры области. «Мой Белград бомбят», — единственное, что я смог ей ответить. Все три месяца бомбежки я носил большой и тяжелый камень на сердце. В то время я как раз ездил по разным городам Европы как член, а иногда и как председатель жюри отборочного конкурса вокалистов «Бельведер», который проводился ежегодно в Вене, и могу сказать, что симпатии европейцев были в основном на стороне сербов, а не янки...

В Болгарии, откуда взлетали американские бомбардировщики, например, часто проходили демонстрации протеста у здания американского посольства. Один из транспарантов, которые несли демонстранты, гласил: «Моника, почему ты не стиснула челюсти?!» (это было во время президентствования Клинтона)...

Вскоре после окончания бомбежки мне довелось побывать в Белграде. Жители столицы показывали приезжим следы варварства: полуразрушенные здания, огромные воронки, которые остались после испытания на деле нового американского оружия...

Югославы говорят: «Чехи — славяне, но не братья, болгары — братья, но не славяне». Про русских тогда говорили примерно то же, что про чехов. Мне, как человеку, проработавшему в России почти всю свою жизнь и хорошо знающему русский народ, было обидно это слышать. На самом деле, тогда авторитет бывшего президента был настолько крепкий в мире, что, по-моему, он мог сказать Клинтону: «Слушай, Билл, не надо», — и ничего бы не было. Но почему-то он этого не сделал. И тогда у меня родилась одна из моих сумасшедших идей — повезти самых восточных славян к самым западным как послов доброй воли, чтобы через искусство объяснить братьям славянам, что народ тут ни при чем...

Но оказалось, что и это сделать не так легко.

Шел 1999 год. На Камчатке, как всегда, не хватало топлива, чтобы зимой обогревать помещения. Я в том году прилетал три раза и в принципе уже была достигнута договоренность с руководством области, что будут выделены деньги на поездку. Самым трудным во всем этом, понятно, было оплатить перелет до Москвы 30 музыкантам, но деньги нашлись.

Поездка была намечена на начало 2000 года.

В декабре 1999-го вместе с лауреатом «Гран-при» конкурса им. Чайковского, скрипачом Николаем Саченко мы дали в Белграде триумфальный концерт с оркестром Белградской филармонии по программе Чайковского. Коля играл *Концерт для скрипки*; я потом дирижировал *Четвертую симфонию*.

В интервью мы оба подчеркивали наши связи с Камчаткой, как бы подготавливая почву для приезда камерного оркестра.

24 декабря я прилетел на полуостров, дабы отрепетировать белградскую программу, дать два новогодних концерта и четвертого января вместе с оркестром лететь в Москву, а оттуда – в Белград...

Когда я прилетел, сначала вместе с директором оркестра Л. С. Мельниковой мы пошли в администрацию, и там узнали что... денег НЕТ. Я вечером на репетиции должен был сообщить новость оркестру.

На следующий день я дал интервью местному телевидению, где откровенно рассказал о ситуации в оркестре и попросил о помощи, на которую, конечно, не надеялся.

Вечером в квартире, которую оркестр снимал для меня, раздался телефонный звонок. Звонил один из состоятельных поклонников оркестра и предложил оплатить хотя бы нескольким музыкантам поездку, чтобы не сорвать концерты, а потом, осенью, найти средства для поездки всего коллектива.

Я сразу по телефону связался с тогдашним директором концертного объединения Югоконцерт Эдуардом Илле, и мы нашли выход – четверо камчатских музыкантов будут играть соло вместе с югославским камерным оркестром «Душан Сковран».

Так и сделали, а осенью поехали все, благодаря личному участию губернатора Камчатки Владимира Афанасьевича Бирюкова.

К этой поездке я приготовил одну из своих лучших инструментовок сербской народной песни «Тамо далэко», которую в дни бомбежки по но-

чам пели жители Белграда, стоя на мостах, чтобы американские летчики не бомбили мосты...

Камчадалы на последнем концерте сыграли эту музыку настолько эмоционально, что плакал буквально весь зал... На следующий день в газете «Политика» появилась статья, в которой камчатский коллектив был назван «одним из лучших камерных оркестров мира»...

Я побывал на Камчатке еще несколько раз.

Оркестр продолжает существовать: со временем меняется его состав, появились духовые инструменты, звучат новые произведения, приезжают интересные солисты — одним словом, оркестр, как и все подобные коллективы, живет своей жизнью. На далеком полуострове звучат произведения Баха, Моцарта, Чайковского, Турины, Шнитке, Нелиповича...